

Николай Добролюбов

Жизнь Магомета

Николай Александрович Добролюбов

Жизнь Магомета

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3089365

Аннотация

В рецензии на книгу известного американского писателя В. Ирвинга критик высказывает свое главное требование к истории как к науке: объяснять исторические события не характером исторических деятелей, а условиями жизни народов. Применение этого требования к конкретному материалу Добролюбов демонстрирует на примере возникновения ислама. Правда, естественно-историческое объяснение этого явления выступает у него как психологическое. Показывая, что основатель религии – Магомет был реальный живой человек, а не какой-то злой гений, как его рисовала христианская литература, Добролюбов снимает покров «чудесного» с возникновения религии.

Содержание

Примечания
Комментарии

17

Николай Александрович Добролюбов Жизнь Магомета

*Сочинение Вашингтона Ирвинга. Перевод с
английского Петра Киреевского. Москва, 1857*

Сочинение Ирвинга не нуждается в том, чтобы мы стали хвалить его, а о переводе г. Киреевского довольно сказать, что он читается очень легко. За его добросовестность и верность с подлинником ручается имя переводчика. Следовательно, с этой стороны нам нечего распространяться, равно как не нужно, мы думаем, делать подробный обзор содержания книги Ирвинга. Кому же неизвестна история жизни Магомета в главнейших ее фактах? Поэтому мы решаемся ограничиться здесь несколькими размышлениями о частных обстоятельствах, касающихся отчасти нашей исторической науки.

Странный вид принимают исторические знания под пером наших историков!.. Точно скучная, нелепая сказка для детей, из числа тех, которые так неискусно составляются к празднику и издаются г. Генкелем!^[1] Начинается обыкновенно с того, что такое-то царство основано таким-то царем, который завоевал такие-то страны и основал свою столицу в таком-то городе. А там и пойдет писать все в том же роде

до тех самых пор, как государство падет, непременно от роскоши и развращения нравов. Откуда вдруг взялась эта роскошь и развращение, ученик никак не может добиться в наших доморощенных курсах истории. На историческое развитие народа, на естественную, живую связь событий никогда не хотят обратить ни малейшего внимания наши историки. Их история представляет обыкновенно не историю, а какую-то плохо составленную «Всеобщую биографию великих людей». – Это – Плутарх для юношества, написанный в дурном духе и без всякого такта. Все в наших историях представляется влиянию личностей: государство основалось оттого, что нашелся великий человек, который основал его; пало государство – оттого, что пять-шесть государей дурно им правили и допустили развращение нравов; новая религия явилась – оттого, что явился человек, который ее выдумал; война проиграна – оттого, что полководцы были неискусные; восстание произошло – оттого, что несколько неблагонамеренных человек раздражили народ... И так далее, и так далее, за что ни возьмитесь. Но ведь был же какой-нибудь материал, над которым все эти полководцы, правители и прочие великие люди производили свои упражнения? Ведь не один же, сам собою, полководец вел войну, не сам же собою какой-нибудь молодец ни с того ни с сего основал вдруг целое «гражданское общество», как выражаются наши историки. Верно кто-нибудь помогал ему, служил орудием его планов, и, верно, его замыслы потому и удались, что удовлетворяли

потребностям тех, которые согласились содействовать ему? Что же это были за люди, каково было их положение? Отчего они слушались людей неблагонамеренных, а не слушались благонамеренных? Какие были в них самих качества и недостатки, которыми великая личность могла воспользоваться для того, чтобы употребить их орудием в своих замыслах? Все эти вопросы рождаются непременно в голове всякого ребенка, не совсем еще забитого схоластикой; но ответов нет на эти вопросы. Наши исторические учебники совсем не хотят обращать внимания на эти вопросы. Уж лучше бы они сказали прямо: «Вы хотите знать, что за народ были греки и римляне? Это были народы, не стоящие ни малейшего внимания; о них и говорить нечего. А было между ними десятка два порядочных людей; о них, пожалуй, мы вам расскажем с великою охотою». Тогда мы знали бы по крайней мере, что обязательные историки хотят дать нам «Bibliothèque amusante pour les enfants»¹, – и не стали бы ожидать от них истории. Так нет, не хотят: скропают кое-как десятка два-три биографий, большею частью воинственного характера, да и говорят, что сочинили историю. Помилуйте, какая история! Биографии-то – и те плохо сшиты, и еще хуже приставлены к общему ходу дел исторических! По мнению наших историков – захотела великая личность совершить что-нибудь – и совершила: ей честь и слава! Если же она произвела что-нибудь не по нраву нашим историкам, беда исторической лич-

¹ «Занимательную библиотеку для детей» (фр.). – *Ред.*

ности! Окажется, что это был обманщик, безнравственный человек, злодей и т. д. Не хотят понять, что ведь историческая личность, даже и великая, составляет не более как искру, которая может взорвать порох, но не воспламенит камней, и сама тотчас потухнет, если не встретит материала, скоро загорающегося. Не хотят понять, что этот материал всегда подготавливается обстоятельствами исторического развития народа и что вследствие исторических-то обстоятельств и являются личности, выражающие в себе потребности общества и времени.

Вот, например, хоть бы Магомет, как он рисуется в наших историях? Во-первых – как обманщик, ни с того ни с сего вдруг сочинивший новую веру и морочивший людей ложными чудесами; во-вторых – как завоеватель, внезапно принесший, неизвестно из каких тайных источников, новые силы народу слабому и ленивому и мгновенно превративший мирных пастухов в хищных завоевателей. Почтенным историкам не представляется ни малейшей надобности подумать серьезно, как же это, однако, – обманщик мог увлечь столько миллионов людей и не быть уличенным в обмане? Что же это за сверхъестественные силы мог он вдруг сообщить народу? Откуда взялись в нем-то самом такие силы? Читающий историю должен думать, что все это произошло от каких-нибудь калик переходящих, точно так, как богатырские силы Ильи Муромца. В самом деле, если Илья Муромец, напившись пива крепкого, вдруг пошел совершать славные подвиги, то поче-

му же и с Магометом не могло случиться того же самого?

Но туман мало-помалу проясняется. У нас начинают переводить хорошие исторические сочинения, и можно надеяться, что это будет иметь влияние вообще на изложение истории в наших курсах. В рассматриваемом нами сочинении Вашингтон Ирвинг изображает личность Магомета, его характер, его учение и делает очерк состояния страны и народа, в которых он появился. Из этого изображения ясно видно и естественное происхождение Магометовой религии и развитие мусульманского могущества, сообразное с характером самого учения и с характером народов, которые его приняли. И во-первых – был ли Магомет грубым обманщиком, как думают о нем некоторые историки? Для разрешения этого вопроса Ирвинг прежде всего спрашивает: была ли Магомету выгода обманывать, была ли какая-нибудь надобность изобретать религию? Подробный обзор фактов приводит к отрицательному заключению. Чего бы он мог искать, стараясь привлечь к себе поклонников? Мог бы он иметь в виду вещественные выгоды, которые дали бы ему средства жить пышно и беспечно; но он и без того был очень богат. Имение, приобретенное им женитьбою на Кадидже, делало его одним из богатейших людей Мекки и давало возможность делать большие обороты. Но он выказал в этом отношении большую умеренность: он скоро вовсе отстал от торговли, чтобы вполне предаться своим таинственным созерцаниям. Следовательно, богатства он не искал. Он мог увле-

катся тщеславным желанием заслужить общее уважение: но и этого не нужно ему было желать. По своему происхождению из знаменитого рода Корейш^[2], по своему богатству, по умственным и нравственным своим качествам он пользовался глубоким уважением своих сограждан. Один из его историков, Абульфед, говорит, что Магомет по своей честности и прямоте был известен всем и даже получил прозвище – Аль-Амин – т. е. верный. Мог он искать еще власти и могущества; но в таком случае он мог избрать множество других, более легких путей. В его роде преемственно переходил, уже несколько поколений, сан блюстителя Каабы^[3] и вместе с тем главенство над священным городом; Магомет мог добиваться этого сана и, при своем богатстве, прекрасных душевных качествах и всеобщем уважении к нему, без сомнения, успел бы в своих исканиях. Но он пренебрег всем этим и избрал другой путь. Могло быть, наконец, то, что Магомет страдал ненасытным честолюбием и хотел непременно совершить что-нибудь громкое, необычайное, чтобы прославить свое имя во всем человечестве. Но и тут, если б он был хитрый обманщик, то скоро оставил бы свое дело, видя начало совершенно неблагоприятное. У нас в учебниках говорится обыкновенно, что учение Магомета *быстро* распространилось при посредстве огня и меча. Но на самом деле происходило это не так быстро. Магомет должен был вытерпеть много испытаний, переносить порицания, насмешки, отчуждение ближних и родных, наконец, гонение, пока

учение его не стало торжествовать. В первое время после того, как он объявил о своем призвании – преобразовать веру, – ему нельзя было показаться на улицах Мекки: толпа бегала за ним с бранью и грубыми насмешками, распевая злые пасквили, сложенные про него молодым поэтом Амру-Ибн-эль-Аасом. Даже во время молитвы Магомета в Каабе не давали ему покою, бросали в него грязью, а один раз даже чуть не задушили его. В четыре года своей проповеди он приобрел только пятнадцать явных приверженцев: одиннадцать мужчин и четырех женщин; и тех на пятый год принужден был отправить в Абиссинию, чтобы спасти от ярости своих врагов. Против него самого вешают в Каабе приговор отчуждения, и в продолжение трех лет существует запрещение входить в какие бы то ни было сношения с ним и с его приверженцами. Наконец, он принужден был спасать свою жизнь бегством в Медину, скрываясь на пути в пещерах и пустынях. Все эти факты очень ясно говорят против мнения о Магомете как о бесчестном обманщике. «Зачем же он, – замечает Ирвинг, – стал бы стоять столько лет за свои обманы, которые у него отняли все земное, что у него было, и в такую пору жизни, когда уже поздно было приобретать что-либо сызнова» (стр. 255).

Как доказательство шарлатанства в Магомете приводят обыкновенно его мнимые чудеса. Но в этом случае наши историки оказываются детски легковерными, несравненно легковернее даже многих из поклонников пророка. Не веже-

ственная часть его почитателей сложила про него предания, изукрашенные всеми чудесами восточной фантазии. Противники его веры стали злостным образом объяснять его чудеса, уверяя, что он приучал голубя клевать из своего уха, чтобы сказать народу, что это ангел прилетал к нему; что он зарывал тихонько в землю горшки с молоком и медом, чтобы потом всенародно вырыть их, будто посланные небом по его молитве, и пр. Умнейшие из мусульманских писателей сделали гораздо проще: они сказали, что все эти чудеса – позднейшие выдумки невежества и что сам Магомет признавал одно только чудо – Коран. Это решение мусульманских писателей доказывается словами самого Магомета в Коране, приводимыми Ирвингом. «Какого вам нужно чуда больше, чем сам Коран? – говорит Магомет. – Книга откровений, начертанная безграмотным человеком, такая высота языка и неопровержимость доводов, что совокупное искусство людей и дьяволов не могло бы написать ничего подобного! Чего же еще больше в доказательство того, что дать Коран мог один только бог? Сам Коран – уже чудо». В этих словах замечательно резко выражается предпочтение, оказываемое Магометом внутренним и нравственным ружательством дела пред внешними, как бы посторонними признаками. Основываясь на таких свидетельствах и самого Магомета и лучших его последователей, Ирвинг имел полное право сказать положительно: «Нет доказательств, чтобы Магомет унижился до подобных хитростей, подкреплял ими свое

учение и утверждал притязание свое на апостольство. Он, кажется, вполне опирался на свой ум и на красноречие, а в первую, еще шаткую, эпоху своего поприща поддержан был и религиозным одушевлением» (стр. 59). Если же кто усомнился бы в том, могли ли сложиться предания о подобных чудесах сами собою, можно привести рассказы о множестве чудес, совершившихся будто бы при самом рождении и в малолетство Магомета. Рассказывают, что мать его не страдала муками рождения, что необыкновенное сияние явилось на небе в самую минуту его рождения, небо и земля колебались, озеро Сава потекло вспять, Тигр вышел из берегов, священный огонь Зороастров, хранившийся неугасимым уже более тысячи лет, внезапно потух, и пр., и пр. Мул, на котором везли его, еще младенца, получил вдруг дар слова; когда он, еще мальчиком, лег отдохнуть под скудной тенью засохшего дерева, оно мгновенно покрылось свежей зеленью... Таких чудесных рассказов необыкновенно много сохранилось в преданиях мусульман; суеверная толпа верит им, но более умные последователи умеют смотреть на них надлежащим образом.

Чем же объясняет Ирвинг деятельность Магомета? Он очень просто считает ее естественным следствием его природных склонностей, воспитания, характера страны, в которой он жил, – всех обстоятельств, под влиянием которых сложился его характер и взгляд на вещи. Просто, как умный человек, он понял нелепость сабеистического поклонения

звездам и идолам и гебрского обожания огненного начала^[4] — двух вер, которые в его время господствовали в Аравии. Затем, в своих путешествиях с караванами, в которые пустился он с двенадцатилетнего возраста, сходилась он с людьми разных вер, и, между, прочим, с евреями и христианами, от которых узнал о принципе единобожия. Получив потом возможность жить независимо, не занимаясь делами торговли, Магомет предался размышлениям о предметах богопочитания, часто удалялся в пещеры, в которых проводил по нескольку дней, изнурял себя постом, сосредоточивал дух свой в молитве и наконец дошел до такого состояния, в котором ему начали мерещиться разные видения, слышаться голоса и пр. Мир собственной души принял для него такую осязательность, что он не мог не приписать ему действительности явлений внешнего мира.

Все это вполне естественно и тысячу раз повторялось другими людьми, которые вовсе не хотели обманывать, а сами бывали обмануты галлюцинациями собственного воображения. Тем более естественно это было в Магомете, отличавшемся пылкостью чувств и воображения даже пред своими восточными соплеменниками. Точно так же весьма естественно физиологически и то явление, что Магомет всегда приходил в некоторый род исступления пред тем, как хотел высказать вновь открытую ему волю божию. У него были припадочки падучей болезни, при которых нервное раздражение увеличивалось и видения представлялись ему яснее, чем

когда-нибудь. Он объяснял однажды своим приверженцам, что знает о приближении откровения по особенному звону, который слышит у себя в ушах; а это есть один из симптомов, обыкновенно означающих приближение припадка падучей болезни. По всем этим соображениям нельзя не видеть в Магомете энтузиаста, одушевленного горячим негодованием против идолопоклонства и старающегося обратить своих соплеменников, к новой вере, которая после его созерцаний составила у него в голове – отчасти из собственных соображений, отчасти же из вещей, узанных им от евреев и разных христианских сект, существовавших тогда в Аравии. Что он все свои мысли выдавал за боговдохновенные, это опять объясняется его мистическим самообольщением и вовсе не служит доказательством того, что он был злонамеренный обманщик.

Каким же образом вышел завоеватель из этого энтузиаста, искавшего только распространения своей веры? Какими силами придал он воинственность *номадам*^[5] Аравии? Вот здесь-то особенно и видно ничтожество личности пред общим ходом истории. Дело в том, что он сам был вызван на это своими последователями. Принятый хорошо в Медине, он продолжал открыто проповедовать и приобретал множество поклонников между богомольцами, приходившими в Медину. В числе их было много молодых отважных арабов, привыкших к хищничеству, постоянно упражнявшихся в войне и доселе не производивших значительных завоеваний только

потому, что не было общего интереса, который бы связал их в одном деле... Племена были разъединены и беспрестанно воевали одно с другим; никто не думал обратить свое оружие на служение какому-нибудь другому делу, кроме племенной вражды. Эта племенная вражда выразилась и теперь, когда они соединились в веру Магометовой. Они вызвали его на мщение корейшанам, потомкам одного с ним племени, но из другой отрасли, враждебной гашемидам. И первые воинские предприятия мусульман обращены были действительно против меккских караванов, принадлежавших корейшанам. Это был тот же степной разбой, к какому давно привыкли арабы; но теперь Магомет должен был узаконить его, сказавши, что аллах послал его с мечом в руках утвердить господство истинной веры и что поэтому нападать на врагов пророка есть дело похвальное. Долго все предприятия Магомета не выходили из пределов этой племенной вражды, соединенной с ревностью о распространении веры. Даже взятие Мекки, предавшее в руки его почти всю Аравию, было предпринято не без расчета уничтожить господство корейшан, в руках которых находилось тогда хранение Каабы. Но такова обольстительная сила власти: чем Магомет становился могущественнее, тем дальше простирались его замыслы, и мало-помалу самая пропаганда веры принимает у него завоевательный характер. После одной неудачной битвы (при Оходе), когда все были поражены отчаянием, Магомет открыл всем положение о предопределении, будто бы ниспо-

сланное ему богом в это самое время^[6]. Известно, как много задержало оно развитие мусульманского Востока впоследствии; но нельзя обвинять в этом только Магомета. Мысль о предопределении, явившаяся в голове Магомета со всей определенностью, была вполне естественна в голове каждого араба того времени, да и вообще всякого восточного человека, столь ленивого на деятельность мысли. На первый же раз, пока продолжались завоевания, она была очень полезна исламу. Ирвинг замечает, что ту же самую мысль о предопределении Наполеон старался внушать своим солдатам, и не без успеха.

Такие результаты извлекаются, между прочим, из данных, представленных в книге Ирвинга. Она может представить еще много подобных фактов и соображений; но мы не касаемся их, потому что это могло бы далеко завести нас. Мы хотели только сделать несколько указаний на те стороны исторического явления, которые особенно в ложном свете представляются обыкновенно в наших курсах истории, не верящих, как видно, возможности естественного объяснения исторических событий.

Примечания

Условные сокращения

Все ссылки на произведения Н. А. Добролюбова даются по изд.: Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти томах. М. – Л., Гослитиздат, 1961–1964, с указанием тома – римской цифрой, страницы – арабской.

Белинский – Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

БдЧ – «Библиотека для чтения»

ГИХЛ – Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. I–VI. М., ГИХЛ, 1934–1941.

Изд. 1862 г. – Добролюбов Н. А. Сочинения (под ред. Н. Г. Чернышевского), т. I–IV. СПб., 1862.

ЛН – «Литературное наследство»

Материалы – Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 гг. (Н. Г. Чернышевским), т. 1. М., 1890 (т. 2 не вышел).

ОЗ – «Отечественные записки»

РБ – «Русская беседа»

РВ – «Русский вестник»

Совр. – «Современник»

Чернышевский – Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти томах. М., Гослитиздат, 1939–1953.

Впервые – *Совр.*, 1858, № 2, отд. II, с. 168–175, без подписи. Вошла в изд. 1862 г.

Но даже и в этой форме мысль о естественном происхождении религии, высказанная в подцензурной печати, – безусловная заслуга Добролюбова, тем более что указания на нравственную чистоту, экзальтированность и т. н. основателя ислама облегчали проецирование этой мысли на христианство. О том, какое значение Добролюбов придавал выяснению реальных обстоятельств возникновения религии, можно судить по его высказыванию в работе «Буддизм, его догматы, история и литература...»: «правдивый рассказ» об этом «мог бы подорвать уважение к религии или по крайней мере породить сомнение» (III, 400).

Комментарии

1.

Имеются в виду «Рассказы детям об их отцах и братьях» (СПб., 1855), «Библиотека для детей» (ч. 1-Х, СПб., 1856), «Полезное чтение для детей» (СПб., 1857) и другие книги, составленные и изданные В. Е. Генкелем, впоследствии известным переводчиком русских писателей на немецкий язык (см. о нем: Либрович С. Ф. На книжном посту. Пг. – М., 1916, с. 398–404).

2.

Магомет происходил из знатного, но обедневшего рода Бану-Хашим племени курейшитов, к которому принадлежали жители Мекки.

3.

Кааба – древнейший языческий, затем главный мусульманский храм в Мекке.

4.

Гебры – последователи зороастризма (древневосточной религии, связанной с поклонением огню) в Иране.

5.

Номады (от греч. *nomas*, род. пад. *nomados* – кочующий) – кочевники-скотоводы.

6.

Представление о предопределении, т. е. абсолютной зависимости поведения человека от воли аллаха, исключающей свободу воли человека, – один из важнейших догматов ислама.